

ПРОБЛЕМА ОБЫДЕННОСТИ В ДИСКУРСЕ О ЛИТЕРАТУРЕ

Т. Г. Струкова

Воронежский государственный педагогический университет

Поступила в редакцию 22 января 2017 г.

Аннотация: *в статье исследуется вопрос о специфике интерпретации обыденности в современном гуманитарном дискурсе; рассматривается повседневность как сложное явление жизненного макроконтекста человека; предлагается алгоритм анализа повседневности в произведении.*

Ключевые слова: *обыденность, повседневность, стратегия «сильных», тактика «слабых», литературанцентричность повседневности, алгоритм анализа повседневности.*

Abstract: *the article deals with the problem of interpretation of everyday life in the contemporary humanitarian discourse, everyday life is investigated as a complicated phenomenon in the vital macro context of a human being, the article presents the algorithm of the analyses of everyday life in the piece of art.*

Key words: *everyday life, triviality, strategy of the «powerful», tactics of the «weak», literary centrism of everyday life, algorithm of the analyses of everyday life.*

Теоретическое осмысление феномена повседневности в европейской научной мысли имеет давнюю историю. В античности Аристотель, Цицерон, Сенека, Гораций приравнивали обыденность к здравому смыслу. В том же ключе рассматривали повседневность мыслители Возрождения (Э. Роттердамский, Ф. Бэкон, Р. Декарт, Т. Гоббс). В Новое время Ф. Шлейермахер, К. Маркс, Г. Джеймс, Пирс, З. Фрейд, К. Юнг, Г. Зиммель, А. Шюц, Э. Гуссерль, К. Леви-Стросс, Н. Элиас, В. Беньямин, Г. Гарфинкель, А. Лефевр, П. Бергер, Т. Лукман, Ж.-П. Лиотар, Э. Вальденфельс, Р. Мертон и многие другие авторы исследуют повседневность как обязательную, фундирующую часть жизненного макроконтекста человека. В западных гуманитарных дисциплинах пристальное внимание к феномену обыденности бурно развивается в последней трети XX столетия.

Повседневность реализуется в разных культурных практиках, формирует ментальность индивидуума, его поведение в коллективе, который, в свою очередь, влияет на индивидуальную обыденность. Доминирующие властные стратегии эпохи воздействуют на ежедневную жизнь (даже если человек не осознает этого), а личность формирует отношения с обществом через собственные повседневные тактики. Отражение повседневности как формы реализации природно-телесного и лично-общественного бытия человека представлено в высокой и массовой литературе XX–XXI вв.

Обыденность отражает текущие события, которые происходят изо дня в день; в ней есть особый ритм ежедневной жизни, у каждого чело-

века неповторимый и в то же время единый для всех живущих в общем потоке времени. В динамическом течении жизни любая, обманчиво незначительная бытийная и бытовая деталь может оказаться важной и неповторимой. В обыденности есть темпоральность и повторяемость, событийность и бессобытийность, цикличность и линейность, неразрывность и дискретность, движение и остановки. Внимание художника только к телесности, только к духовности или только к душевности затушевывает многогранность природы повседневной жизни индивидуума, тогда как человек – неделимая духовно-телесно-душевная субстанция.

Повседневность человека, реализующаяся как природно-телесное и лично-общественное бытие/поведение, обладает важнейшей, неотъемлемой чертой: ее нельзя переложить на кого-либо. Можно многое возложить на окружающих, эпоху или обстоятельства: ответственность, вину, обязанность и т. д. Повседневность во всех ее физических, психических, эмоциональных, пространственно-временных, экзистенциальных проявлениях переложить на кого-либо невозможно. И, самое главное, общественная/личная обыденность проживается каждым человеком индивидуально. Повседневность есть «удел человеческий» (Г. Гессе).

Определение повседневности, на которое наиболее часто ссылаются на данный момент, принадлежит П. Бергеру и Т. Лукману. Обыденность, или, в их трактовке, «повседневный мир», рассматривается ими как механизм конструирования идентичностей. В работе «Социальное конструирование реальности» читаем: повседневность – это «реальность, которая интерпретируется людьми и имеет для них субъективную значимость в качестве цельного мира» [1, с. 38]. В этом объяснении, важны, на наш взгляд, два момента, которые акцентируют многозначность и динамизм самого феномена. Во-первых, обыденность *очевидна* для всех людей, хотя, естественно, неоднородна по содержанию и смыслу. Повседневность – это целостный мир, в котором человек существует и взаимодействует с другими, и с этой точки зрения она *объективна*. Во-вторых, понимание каждого момента бытия, реальности у отдельного человека индивидуально, а потому обыденность *субъективна*.

Повседневность не может ответить на вопросы «что», «кто». Она отвечает на вопросы «как», «каким образом», «где», «когда», что свидетельствует о способности мира сохранять свою идентичность, вмещая огромное количество новых объектов.

Повседневность как сложное явление разрабатывалась феноменологией, герменевтикой, экзистенциализмом, Школой Анналов, Франкфуртской школой, реализовалась в исследованиях повседневного языка Л. Витгенштейна, мифологии обыденной жизни Р. Барта, и т. д. Г. Маркузе в книге «Одномерный человек» (1964) писал, что западное общество одномерно, а либеральные идеи едва прикрывают завуалированную неототалитарную систему. Общество потребления контролирует каждого, навязывая человеку свои ценности, и, по Маркузе, только авангардное искусство способно сопротивляться давлению системы.

Э. Гуссерль придавал большое значение «сфере человеческой обыденности», которую он назвал «жизненным миром». Философ призывал не доверять слепо различным верованиям или, в его терминологии, «естественным установкам», главной из которых является то, что индивида окружает реальный мир. И, тем не менее, в повседневной жизни человек руководствуется убеждениями и верованиями. Вопрос, который неизбежно возникает, можно сформулировать так: являются ли верования и убеждения собственными или они навязаны доминантными стратегиями эпохи.

Ортега-и-Гассет писал: «Я есть я и мои обстоятельства». Отдельный индивид, как бы он не был неповторим и стремился таковым быть, есть часть своего поколения, которому присущи тот же горизонт понимания, время, пространство, история и социальные проблемы. Люди, наделенные мужеством и фантазией, генерируют идеи и определяют движение пассивного большинства или, по определению Ортеги-и-Гассета, «миметических масс». Творческие идеи-изобретения указывают непроторенные пути, а верования, в которых сосредоточено основное наследство прошлого, формируют коллективное бессознательное. Консолидированное бессознательное помещает реальность внутрь повторяющихся схем, по которым человек действует изо дня в день.

А. Шюц говорил о нескончаемом процессе формирования «картины мира, в котором мы живем». И эта картина мира субъективна в том смысле, что она меняется в зависимости от стремлений человека, его мечтаний, фантазий, сомнений, реакций на частные и общественные события, воспоминаний о прошлом, индивидуальных представлений о будущем.

Историко-антропологический подход, сформированный Школой Анналов, стал предтечей исследования разных аспектов повседневности. М. Блок, Л. Февр, Ф. Бродель полагали, что обыденность охватывает материальные и нематериальные структуры. К первому уровню они относили реалии экономики, тогда как ежедневные практики определялись в качестве нематериальных структур. Ф. Бродель отмечал, что в «структурах повседневности» [2, с. 19] реализуются культурные, исторические, демографические, психологические, эмоциональные, эстетические, этические и другие сюжеты. Ментальность людей определяется индивидуальным ежедневным ритмом жизни, привычками, стереотипами поведения, бытом, а кроме того, искусством, культурными ориентирами, музыкальными и литературными предпочтениями, что совокупно формирует общую картину эпохи.

К. Ясперс обозначил экзистенциальный выбор человека в каждый момент бытия как единственно возможный. Его знаменитая формула «Мое Я тождественно реальному месту, в котором я нахожусь» означает, что я совпадаю с действительностью, принадлежу какому-то этносу, роду и т. д. А если я это отвергаю (присоединяюсь к другому народу, отрекаюсь от родителей, детей, этноса и т. д.), то изменяю себе самому, потому что я — это моя ситуация, реальность, из которой нельзя выйти. Ясперс отмечал,

что отдельная истина каждого индивида есть движение к Единственной правде, которая ищется всеми и которая превыше любой индивидуальной истины, и в этом непрерывном движении единичные непохожие экзистенции вступают друг с другом в диалог, что создает богатейшую палитру жизни. И в этом заключается принципиальное расхождение положений философа-экзистенциалиста и теоретико-литературных рефлексий постмодернизма, в которых отстаивалась идея ризоматичности множества истин, тогда как единственная правда отсутствовала.

На нынешний момент в гуманитарных дисциплинах образовалось два подхода к пониманию повседневности. Сторонники первой точки зрения подчеркивают ее периодичность и рутинность. Заметим, что именно эти свойства стабилизируют социальные структуры и подчиняют людей авторитету. Последователи второго подхода ориентируются на поиски переменного и противоречивого в обыденности. Вторая исследовательская парадигма позволяет выявить, кто и каким образом становился объектом и субъектом исторического процесса.

Мишель де Серто, французский философ, теолог, литературовед, в книге «Изобретение повседневности» (1980) акцентирует, что обыденность отличается от других практик каждодневного существования повторяемостью и бессознательностью. При этом ученый отмечает двойственную природу повседневной жизни, которая, с одной стороны, *истощает деятельность*, а с другой – ее *порождает*, открывая широкие возможности для творчества. М. де Серто связывает понятие «стратегия» с властными структурами и институтами, которые нацелены на стабилизацию, тогда как индивидуальная «тактика» личности гибка и вариативна. Человек использует индивидуальные тактики для создания собственного свободного пространства внутри поля, которое определяется стратегиями. М. де Серто подчеркивает, что повседневность позволяет обнаружить формы культурных практик, которые свойственны и эпохе в целом, и отдельному этносу. Кроме того, именно обыденность дает возможность увидеть неразрывную связь культурных практик со словом как «источником всякой власти» [3, р. 45].

М. де Серто рассматривал потребление как «тактическое нападение на систему» [op. cit.], когда все используемые ресурсы (будь то материально-функциональные или культурные) семиотически связаны друг с другом. Ученый считал, что технологии «адаптаций», «манипуляций» и «трюкачества» становятся залогом выживания человека в постиндустриальном обществе, что требует «повседневной креативности» [op. cit., р. 46] или искусства жить в урбанизированном, медийном пространстве «между». Между «их» серийным производством и «своим» использованием, определяемым уникальным жизненным опытом, когда потребление творчески перерождается в индивидуальном акте. Для характеристики подобных действий современного горожанина М. де Серто использует слово «bricoler» (франц. – «мастерить»). Интересно, что у этого глагола есть переносное значение – «прибегать к уловкам, действовать окольным

путем», – которое как нельзя лучше передает мысль ученого. Заметим, что обыденность позволяет индивидууму, который существует внутри господствующей системы всеобщего консьюмеризма, избежать пассивного потребления и преодолеть холодную функциональную рациональность.

Литература рубежа XX–XXI вв. отразила повседневные тактики современного горожанина, как то: *рассеивание, сокрытие, не привлечение к себе внимания*. Человек противится давлению системы, он, отказываясь пассивно потреблять навязанный социальный порядок, виртуозно адаптирует его под собственные интересы и нужды. Увертки, трюкачество становятся вектором сопротивления «слабых», что позволяет противостоять доминирующим стратегиям «сильных». Это сопротивление не афиширует себя, оно гибкое и скрытное, эффективное и творческое.

А. Лефевр, анализируя проблемы обыденности, поместил повседневность в эпоху модерна, когда приоритетами либерального общества становятся рациональность, организация, планирование, а его сутью – бюрократически контролируемое потребление. Философ заметил, что в древних цивилизациях «каждая деталь несет на себе отпечаток стиля, ничто еще не стало прозаичным или даже повседневным: поэзия и проза всё еще были идентичны» [4, р. 29]. Ученый считал, что в эпоху становления капитализма стиль и культура оказались на разных полюсах. В XIX столетии обыденность жизни проникла в искусство, литературу, а проза мира вытеснила поэзию мира, заменив стили модой.

В последней трети XX в. постмодернизм провозгласил, что «всё сказано», и посему попытки создать новый стиль заканчивались зачастую ничем. Стремление воссоздать прежние стили посредством их включения во вновь создаваемые произведения (коллаж, бриколаж, стилизация, адаптация и т. д.) приводили либо к эклектике, либо в худшем случае к кичу.

В. Беньямин, исследующий проблему связи между поколениями, отмечал, что информационные технологии разрушают устно передаваемый опыт предков. М. Фуко считал, что память массовой культуры создается искусственно [5]. Она бесконечно множит знаки-симулякры, провоцирует ощущение бессмысленности бытия и не просто задавливает народную память, но стирает ее безвозвратно. Людям навязывают не ту реальность, которая на самом деле была и которую они в действительности проживали, а ту, какую они должны в данный момент помнить, что, несомненно, приводит к постоянному переписыванию истории и манипулированию коллективным сознательным и бессознательным.

М. де Серто заявлял, что повседневность поэтична и литературоцентрична. В книге «Изобретение повседневности» он пишет: «Обычный человек не просто представлен в литературе, он разыгрывает сам текст, делает это в тексте и с помощью текста и, сверх того, заставляет поверить в универсальный характер особого места, откуда ведется безумная речь (discours) ученой мудрости. Он – одновременно кошмар или философ-

ская мечта гуманистической иронии и видимость референциальности (общая история), которая делает письмо заслуживающим доверия, заставляя рассказывать “каждого” о своем смешном несчастье. Когда элитарное письмо использует «вульгарного» говорящего в качестве личины метаязыка, говорящего о себе самом, оно также позволяет нам видеть то, что вытесняет письмо из его привилегированной позиции и вытягивает его за собственные пределы – в сферу Другого, который уже не Бог и не Муза, но аноним» [3].

Б. Вальденфельс в работе «Повседневность как плавильный тигель рациональности» (1991) [6–7] отмечает, что повседневность существует как место образования смысла и открытия правил, а в самом феномене очевидно наличие двух противоположных начал – нисходящего движения оповседневливания и восходящего преодоления обыденности.

Добавим, что правила создают защитную оболочку, но они же могут превращаться в преграду. Необычные артефакты, которые не фиксируются интегративными системами, прокладывают себе дорогу с помощью отклонений от правил. Отрефлектированная в произведении повседневность в когнитивной парадигме есть усвоенный, закрепленный результат, а творение писателя, становясь общедоступным, разрывает культурную преемственность. В самом процессе творческого акта художника формируется сумеречная зона, в которой иллюзорное и реальное, событие и рассказывание о нем четко отграничить друг от друга практически невозможно, как нельзя предсказать результат новаторского прорыва. Новизна в искусстве, как не парадоксально, может тормозить общее движение вперед, и тогда изобретатель нового (стиля, художественного приема, письма, жанра и т. д.), обладающий доселе именем, превращается в анонима, исчезает.

В отечественном литературоведении теоретическое осознание повседневности как сложного эстетического феномена зачастую концентрируется на исследовании бытовых, этнографических, региональных деталей, особенностей моды, одежды, интерьера и т. д. Показательно название статьи Б. В. Дубина «Быт, бытовщина, обыденность: идея и история повседневности в России» [8]. Ученый прав, утверждая, что с начала XIX в. в русской культуре отношение к повседневности было зачастую отрицательным. В отечественной литературной теории Ю. М. Лотман был одним из первых, кто полагал, что феномен повседневности значительно выходит за рамки изображения «трудового или внерабочего быта» [9, с. 13].

В отечественных трудах середины XX в., посвященных изучению западной и русской культуры, чаще всего акцентировался вопрос не о повседневности, а о быте, который или поглощал человека, или герой стоически преодолевал бытовщину. В работах 1970–1980-х гг. обыденность толковалась как вызов и своеобразная контроверза эпохе застоя.

Методологически повседневность чаще всего рассматривается в виде бинарных оппозиций: внешний мир / внутренний мир, обыден-

ный мир / возвышенный мир, аутентичный мир / неаутентичный мир, быт / творчество. В ряде работ обыденность анализируется в следующем аспекте: повседневность – это разрушающая сила, которой герой или противостоит, или подчиняется [10–14]. Такая точка зрения близка романтическому противопоставлению мечты и реальности, когда творящий дух сопротивлялся давлению обыденности. В этом случае аксиологические доминанты четко обозначаются по линии добро/зло, нравственно/безнравственно, старое/новое. Как следствие, постоянно акцентируется дихотомия сюжетных линий, образов, характерологических и психологических свойств действующих лиц. Персонажи делятся по ординате свой/чужой. Внешний мир рассматривается или как система, затягивающая героя в воронку беспросветного быта, или как inferнальная мощь.

Мы понимаем *повседневность в художественном произведении* как реализованную эмпирическим автором целостную систему культурных кодов и практик, в которой представлена вся полнота бытия/поведения человека. В этой системе производятся значения, создаются и преобразуются объекты, с ней индивидуум соотносит свое восприятие мира и переживания. Подчеркнем, что изображение обыденности в художественном тексте не может быть сведено исключительно к этнографическому, региональному или бытовому материалу. У. Эко отмечал, что внутри повседневности как знаковой системы бытийное объединено с бытовым, в ней заключены культурный код семьи, группы, народа, страны [15, с. 66].

Повседневность многомерна, динамична, гибка и в художественном тексте обращена к адресату, который способен декодировать это коммуникативное послание. Обыденность во всех ее проявлениях *материальна – она и природна, и антропоморфна*. Как материальный объект она может быть создана природой и человеком, как вещный и эмоциональный мир она влияет на индивидуума. Повседневность реализуется в слитности культуры и общества, выступает хранителем традиций, и в этом плане затрагивает все сферы, включая религию, искусство, литературу, науку, потому что они способны существовать длительное время только в форме определенных конвенциональных институтов. Индивидуальная повседневность сама по себе есть вид опыта, усвоения того, с чем человек встречается в течение жизни. В художественном произведении обыденность не просто нейтральный фон, на котором развиваются события, зачастую *повседневность представляет собой начальную точку рассказывания, место образования смысла*.

В центр литературной рефлексии поставлен человек, а потому сфера повседневности в художественном произведении охватывает многообразные жизненные аспекты. Назовем несколько:

во-первых, эпизоды публичной жизни человека, способы и варианты его приспособления к внешнему миру;

во-вторых, частная, домашняя, приватная жизнь персонажа, в которой реализуется бытийность человека во всех ипостасях (телесное/душевное/духовное), обычное/необычное ежедневной жизни;

в-третьих, многообразные эмоциональные проявления, которые спровоцированы обыденными обстоятельствами, причем событийность или бессобытийность может быть как индивидуальной, так и групповой.

Всё это, без сомнения, широко представлено в литературе, западной и русской, однако в разных художественных текстах реализуется не только такая мировидческая позиция и не только подобная организация текста. Значительно чаще писатели интерпретируют повседневность как сложный и подвижный феномен, который обладает целым набором важнейших качеств. Отметим одно из них: повседневность *исторична*. В обыденности явственно проявляется идеология эпохи во всех ипостасях – от открытой/скрытой властной риторики или претензий на власть, лозунгов на площадях и навязчивой рекламы, одежды и упоминания модных брендов до базовых ценностей исторического периода, которые могут открыто не артикулироваться, но понимаются (что не означает их безусловного принятия) всеми живущими в это время.

Историчность повседневности иногда приводит к тому, что читателю бывает затруднительно понять обыденность былого времени не только потому, что культурные реалии разных исторических периодов отличаются, но и потому, что у читателя другой эпохи может быть ограничено индивидуальное культурное поле. И тогда аутентичное декодирование текста становится почти недостижимым. К примеру, нынче сложно представить себе без дополнительного разъяснения технологию создания и использования «вощенного столика», о котором идет речь в «Евгении Онегине» А. С. Пушкина, тогда как в романе «вощенный столик» имеет осязаемые свойства обыденной вещи, без которой не обходился повседневный обиход русской дворянской усадьбы начала XIX в.

И, хотя описание подробностей быта делает его более понятным человеку последующих эпох, тем не менее, акцент только на скрупулезном изображении бытовых деталей не дает полного представления о внутреннем мире человека, его мечтаниях, реализованных и нереализованных замыслах, обидах и поражениях, победах и взлетах. Следовательно, важнейшей задачей писателя является сочленение, взаимообусловленность обыденного и бытийного, создание в произведении макроконтекста жизни человека.

Кроме этого, обыденность выступает в качестве *дифференцирующего фактора*. Носитель повседневности желает видеть мир таким, каким он его себе воображает, и никаким другим. Представления людей о мире могут быть диаметрально противоположными. С этой точки зрения конфликт романа И. С. Тургенева «Отцы и дети» заключается не только в столкновении разных поколений и идеологий, но и в коллизии разных повседневностей – дворянской и разночинной (Кирсанов и Базаров), но-

ситель каждой из которых подсознательно стремится отграничить себя от другого. Их встреча вызывает взрыв непонимания, отторжения, неприятия, причем эти чувства рациональному объяснению не поддаются, они возникают интуитивно до логического словесного оформления.

В художественном мире произведения предметно воплощаются телесность, образность, вещность, универсальные, типичные или необычные ситуации, события и объекты именно потому, что поле человеческого опыта являет собой систему. В этой системе принципом кодирования повседневности выступает *наглядность*. Эффект вещности, образности, телесности позволяет читателю другой культуры или эпохи декодировать представленную в тексте обыденность. В этом случае чаще всего действует не принцип расширения знания, а целенаправленная установка реципиента на подсознательное усвоение части целостной системы или всей целостности. При этом происходит оперирование категориями «часть/целое», «общее/частное», и они резонируют собственной повседневности читателя.

Наиболее наглядно обыденность в произведении визуализируется в стереотипах поведения, идеологемах и мемах (Р. Докинз) времени, еде, моде. Повседневность являет себя в городских или сельских пейзажах (пасторальный или урбанистический), архитектуре (готика или модерн), аудиовизуальных искусствах (экранные виды или видеомэппинг), формах графики (Альбрехт Дюрер или граффити) и музыкальных предпочтениях (Моцарт или Арнольд Шёнберг), ценностных категориях, которые присущи той или иной нации, этносу, коллективной или гендерной группе.

Литература конца XX в. и начала XXI столетия всё больше уходит от разделения на «высокую» и «низкую», иерархическое членение в соответствии с индивидуальными или групповыми эстетическими предпочтениями уступает место многомерной картине, именно поэтому всё более упрочивается понимание не абсолютности, а *историчности* противопоставления художественного «верха» и «низа». Интертекстуальные взаимосвязи обнаруживают общие генетические истоки, которые скрываются под культурной, социальной, политической, эстетической стратификацией. На наш взгляд, стоит говорить не только о проявлениях индивидуальной или коллективной обыденности в художественном произведении, а шире – о *культуре повседневности*, внутри которой тесно сплетены профессиональная «высокая» культура («высокая» литература в том числе) и массовая (сериалы, телевидение, шоу-бизнес, реклама, журналистика, массовая литература и т. д.) [16].

Человек существует не только в индивидуальном и коллективном повседневном, он обитает *на границе между обыденным и непривычным*, и эта граница чрезвычайно подвижна: то, что вчера было необычным, сегодня становится рутинной. Нынешнее коммуникативное поле навязывает человеку социальные стратегии, которые нацелены на усреднение, обмен единичной жизни на копию, симулякр. И в эпоху рыночной рации-

ональности индивидуальная повседневность начинает выполнять уникальную роль – в коллективном коммуникативно-визуальном мире она позволяет творчески обойти довлеющие правила и стандарты, переиначить транслируемые сообщения и противостоять доминирующим стратегиям сильных. Этот переход от власти общего к частной обыденности дает возможность индивидууму сохранить свободу выбора, индивидуальные интересы и собственные жизненные ценности. Подобная ситуация приводит к тому, что в повседневности XXI в. образуются новые смыслы и открываются новые условия соотношения «высокого» и «низкого», индивидуального и коллективного, стратегий взаимодействия «сильных» и противостоящих им тактик «слабых».

Подводя промежуточные итоги, отметим: *феномен повседневности по-своему реализуется в различные исторические и эстетические эпохи, внутри художественных направлений и у разных писателей*. При ее научном анализе необходимо, на наш взгляд, решение следующих проблем в творчестве отдельного автора, конкретном произведении, крупном эстетическом явлении:

- 1) природа повседневности – объективность/субъективность, рациональность/иррациональность;
- 2) эволюционные стратегии как основа повседневности;
- 3) статус повседневности – жизненно фундирующий или разрушающий;
- 4) авторские концепции обыденности: адаптивные/преобразовательные;
- 5) качества повседневности в художественном тексте: охранительные/разрушительные;
- 6) обыденность как дифференцирующий фактор;
- 7) наглядность как принцип кодирования повседневности;
- 8) динамическая подвижность обыденности и ее зависимость от исторического, социального и национального контекста;
- 9) специфика реализации культурных, исторических, психологических, языковых, коммуникативных, властных и других практик в структурах обыденности;
- 10) проявление идеологем эпохи в повседневной жизни человека;
- 11) проживание героем обыденности: физическое/эмоциональное/психологическое и т. д.

Когда речь идет о литературной рефлексии по поводу повседневности, важно, на наш взгляд, выяснить не только то, как к ней относится сам автор, как он определяет ее статус, но и то, как обыденность изображается в произведении, кто о ней говорит (повествователь, рассказчик, герой или кто-то другой). Как обыденность исторически, социально, национально идентифицируется? О какой повседневности идет речь: коллективной, индивидуальной, этнической, социальной и т. д.? Существует ли в произведении конфликт разных повседневностей, и каков характер этой коллизии?

Обыденность, будучи частью жизни индивидуума, возникает как результат «повседневливания» (*Veralltaglichung*), которому противостоит процесс «преодоления повседневности» (*Entalltaglichung*). Изображение становящегося мира, фиксация взаимоотношений социальных групп, языковой коммуникации, автоматических действий человека не возможны без противопоставления повседневного и неповседневного. *Эволюционные стратегии составляют основу повседневности, а преобразующие стратегии – это базис неповседневности.* Повседневность есть близкое, привычное, упорядоченное, а неповседневность суть непривычное, необычное, далекое. При их изображении практически у каждого писателя проявляются явные или неявные предпочтения, недоговоренности или, наоборот, многословие, а иногда даже претензии на исключительность.

Литература

1. Бергер П. Социальное конструирование реальности / П. Бергер, Т. Лукман. – М., 1995. – 124 с.
2. Бродель Ф. Структуры повседневности : возможное и невозможное / Ф. Бродель // Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв. : в 3 т. – М., 1986. – Т. 1.
3. *Certeau M. de. Arts de faire* / M. De Certeau. Vol. 1. – Paris, 1990. – Mode of access: <http://www.nlobooks.ru>
4. *Lefebvre H. Everyday Life in the Modern World* / H. Lefebvre. – L., 1971.
5. Беньямин В. Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости. Избранные эссе / В. Беньямин ; под ред. Ю. А. Здравового. – М., 1996.
6. Вальденфельс Б. Повседневность как плавильный тигель рациональности. Социо-Логос. – М., 1991. – Вып. 1.
7. Вальденфельс Б. Своя культура и чужая культура. Парадокс науки о «чужом» / Б. Вальденфельс. – Режим доступа: <http://anthropology.rinet.ru>
8. Дубин Б. В. Быт, бытовщина, обыденность : идея и история повседневности в России / Б. В. Дубин // Электронная версия бюллетеня «Население и общество» / Центр демографии и экологии человека Института народнохозяйственного прогнозирования. – Режим доступа: http://www.demoscope.ru/weekly/knigi/konfer/konfer_020.html
9. Лотман Ю. М. Беседы о русской культуре : быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века) / Ю. М. Лотман. – СПб., 1994.
10. Научно-философский анализ повседневности : проблемы и перспективы в XXI веке : материалы I Всерос. науч.-практ. интернет-конф. (дек. 2010) / под ред. Т. Г. Струковой. – Воронеж : ВГПУ, 2010.
11. Гуманитарные аспекты повседневности : проблемы и перспективы в XXI веке : материалы II Всерос. науч.-практ. интернет-конф. (дек. 2011) / под ред. Т. Г. Струковой. – Воронеж : ВГПУ, 2011.
12. Гуманитарные аспекты повседневности : проблемы и перспективы в XXI веке : материалы III Всерос. науч.-практ. интернет-конф. (дек. 2012) / под ред. Т. Г. Струковой. – Воронеж : ВГПУ, 2012.

13. Гуманитарные аспекты повседневности : проблемы и перспективы в XXI веке : материалы IV Междунар. науч.-практ. интернет-конф. (дек. 2013) / под ред. Т. Г. Струковой. – Воронеж : ВГПУ, 2013.

14. Гуманитарные аспекты повседневности : проблемы и перспективы в XXI веке : материалы VI Междунар. науч.-практ. интернет-конф. (дек. 2015) / под ред. Т. Г. Струковой. – Воронеж: ВГПУ, 2015.

15. Эко У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию / У. Эко. – СПб., 1998.

16. Мукерджи Ч. Новый взгляд на поп-культуру / Ч. Мукерджи, М. Шадсон. – Режим доступа: <http://sociologist.nm.ru>

Воронежский государственный педагогический университет

Струкова Т. Г., доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка, современной русской и зарубежной литературы

E-mail: kaf214@yandex.ru

Тел.: 8(473) 254-44-17

*Voronezh State Pedagogical University
Strukova T. G., Doctor of Philological Sciences, Professor of the Russian Language, Modern Russian and Foreign Literature Department*

E-mail: kaf214@yandex.ru

Tel.: 8(473) 254-44-17